

...Судьба, можно сказать, благоприятствовала Образцовой. Она училась у прекрасных педагогов, на своем жизненном пути ей довелось встретить больших музыкантов, которые во многом ей помогли. Победы на нескольких авторитетных международных конкурсах открыли ей дверь на большую сцену: еще будучи студенткой третьего курса Ленинградской консерватории, Образцова была приглашена в Москву, в прославленный Большой театр. Словом, если смотреть со стороны, все в ее судьбе складывалось легко и счастливо. Но это — со стороны. Если же заглянуть за этот великолепный фасад, то увидеть можно только одно — каждодневный, напряженный, изнурительный труд. Работу без конца и края, не оставляющую буквально ни минуты свободной. Как-то раз я заговорил с Еленой Васильевной на эту тему. И услышал от нее:

— Наверное, только мои педагоги и близкие знали, сколько я работала. Ничего, кроме занятий, в общем, не знала и не видела.

— Даже когда учеба закончилась и вы вышли на международную арену?

— Тогда стало еще труднее. Дело в том, что свое место на сцене, если исходить из мировых критериев, я заняла довольно-таки поздно. Надо было наверстывать. А это означало одно — работать.

— Скажите, Елена Васильевна, этот повседневный и нескончаемый труд — не истощает ли он эмоционально? Не оборачивается ли временами и негативной стороной?

— Иногда, конечно, очень устаешь. Сверх всякой меры. Бывают моменты, когда я чувствую, что эмоциональных «запасов» у меня едва-едва хватает на то количество выступлений, которое стало нормой моей жизни. Да разве в одних лишь выступлениях дело? А бесконечные переезды с места на место, отели, чемоданы, вокзалы, аэропорты... Новые концертные и театральные сцены, новые страны, города, люди...

Конечно, вы правы, эмоциональной опустошенности надо остерегаться. Особенно артисту, которому приходится регулярно и много выступать. Теперь я все чаще задумываюсь о том, что нельзя замыкаться лишь в своей профессии — как бы этого ни хотелось... Надо когда-то и оглянуться вокруг, перевести дыхание; надо, чтобы хватало времени и на литературу, и на живопись, и на другие искусства — словом, на жизнь во всей ее полноте и многообразии. Иначе, если не вбирать в себя новых впечатлений, можно ведь незаметно и притормозить. Могут иссякнуть какие-то очень важные импульсы, питающие творчество артиста...

Особенно важны эти импульсы сегодня, когда в нашей жизни так много свежих веяний, живительных перемен. Настоящий артист не может не ощущать их.

Критиками, советскими и зарубежными, не раз отмечалось, что искусство Образцовой — явление глубоко национальное. Возможно, этим в известной мере и объясняется огромный интерес к певце в различных уголках земного шара. Ее творчество лучше ощущается, если знаешь, и близко знаешь, образы Толстого и Достоевского, живопись Репина и Сурикова; тогда отчетливее видна природа этого творчества. Тогда понятнее, откуда, из каких духовных истоков происходит эта внутренняя сила и экспрессия, «истовость» переживания и стихийный душевный размах; эта пронзительная искренность, человечность, правдивость...

— Чем больше я езжу по миру, тем сильнее чувствую: я очень русская. Особенно остро проявляется во мне это чувство за рубежом. Может быть, по контрасту с тем, что я вижу вокруг себя. Чувство это от гордости за свою страну, благородства ее помыслов, стремления спасти мир от атомной катастрофы. Мне кажется, я понимаю что-то такое в русском человеке, в русской литературе, в русской природе, что дает мне право петь русскую музыку.

Это не просто красивая фраза. Каждое слово тут правда. Оттого-то так хороши в исполнении Образцовой романсы Чайковского и Рахманинова, вокальные произведения Прокофьева и Свиридова, потому-то так впечатляют созданные ею сценические образы Марфы в «Хованщине» Мусоргского и Любаши в «Царской невесте» Римского-Корсакова и многих других.

В ней как художнике очень много от интуиции, озарения, догадки. Возможно, поэтому Образцова так не любит распространяться на тему, как она входит в образ, как работает над ролью. Есть в искусстве то, чего лучше не касаться скальпелем мысли, не выводить на уровень прямого осознания, и Образцова отлично это знает. Для нее всегда много значило сиюминутное состояние на сцене — то, что ощущалось ею в данную минуту, «здесь, сейчас, сегодня». К слову, именно поэтому у нее подчас непросто складывались взаимоотношения с некоторыми режиссерами и постановщиками оперных спектаклей.

— Большинство режиссеров настаивает, как правило, на определенной зафиксированности

сценических действий: в надлежащий момент артист должен по их расчету сделать то-то, пойти туда-то, здесь сесть, там встать и т. д. А мне гораздо интереснее хотя бы немного импровизировать по ходу дела. Любая «заданность» чужда моей артистической природе.

Больше всего я люблю прислушиваться к непосредственным душевным импульсам, возникающим у меня в той или иной сценической ситуации. И действовать, так сказать, в согласии с ними. Тогда образ выходит, чувствую это, живым, полнокровным, психологиче-

плохое самочувствие, боль, высокую температуру и прочее. У меня был случай, когда я пела со сломанной ногой... Да мало ли возникает ситуаций, когда, казалось бы, не можешь сделать ни шагу, но все-таки заставляешь себя выйти на сцену. И не просто появляешься перед публикой, а «выкладываешься» полностью и без остатка. Стараешься достигнуть своего творческого максимума, предела возможного.

— Понятно, что можно усилием воли заставить себя выйти на эстраду. Только вот хотелось бы уяснить: возможно ли с помощью во-

ваш взгляд, судить объективно о самом себе? Конкретно: художнику судить о ценности того, что им делается?

— Мне кажется, на это способен почти каждый реалистически мыслящий человек. Только... может быть, лучше все-таки не знать, на какой ступени находишься? И чего достиг? Ведь успокоив себя мыслью, что; мол, многого добился, можно внутренне расслабиться, приостановиться.

Мне кажется, художнику лучше бы размышлять о том, на каком уровне он мог и хотел бы находиться. И что для этого требуется. Правильнее ставить вопрос именно так. Полезнее для дела.

— То есть быть постоянно недовольным собой?

— А так оно обычно и получается. Я не представляю, как может быть иначе.

— Но, наверное, с вашей известностью это не так-то просто? Простите, но мне кажется, что восторженное славословие, неизменно хвалебные отклики прессы — все это не очень-то располагает к душевным терзаниям, сомнениям и тому подобному?

— Славословие меня особенно не трогает. Честное слово, это совершенно искренне. Во-первых, мне просто некогда прислушиваться к восхвалениям — я слишком занята, слишком много работаю. А во-вторых, здесь, как и во всем другом, велика роль воспитания. У меня всегда перед глазами пример моего отца, он был видным инженером-конструктором, его окружали почет и уважение, и это не мешало ему оставаться человеком простым и скромным. Слава как-то не приставала к нему, не меняла его характера. Глядя на отца, я поняла, что самое лучшее — быть самой собой. Не одурманиваться фимиамом. Не терять естественности мысли, чувств, взаимоотношений с окружающими.

— И... удастся?

— Не мне судить

— А как, Елена Васильевна, вы относитесь к критике? Имею в виду, разумеется, серьезную и умную критику.

— К серьезной отношусь со всей серьезностью. Хотя все-таки лучший критик, для меня во всяком случае, самый строгий и бескомпромиссный — я сама. Когда-то, правду говоря, я несколько болезненно воспринимала разного рода критические замечания. И не только потому лишь, что была неопытна, свое-нравна, но и потому, что не всегда могла выправить те ошибки и недочеты, на которые мне справедливо указывали. Это главным образом и нервировало.

Теперь я воспринимаю критику иначе. Значительно терпимее, рассудительнее, внимательнее. Критика — соглашаешься с ней или нет — должна во всяком случае настораживать. Пусть мой «опponent» в чем-то и неправ. А если в чем-то он прав? Недаром же говорят: нет дыма без огня. Забывать об этом нельзя.

В свое время было много споров: в чем прежде всего и ярче всего обнаруживает себя талант Образцовой? Коллеги певицы, музыкальные критики, слушатели — каждый из них указывал на то, что считал наиболее существенным. И все же, если вернуться на момент к этим спорам, — в чем действительно причина стремительного взлета артистки? Ее успехов на советской и мировой сцене? Многие полагают — в ее голосе. Да, у Образцовой единственный в своем роде голос. Огромный диапазон (около двух с половиной октав), сочность и полнота тона, индивидуальность окраски, богатейшая тембровая палитра — таковы лишь некоторые его черты и особенности. Но голос — это еще далеко не все. Сама Образцова верно заметила однажды, что имеет скрипку Страдивари отнюдь не означает быть выдающимся скрипачом... Помимо голоса, природа одарила Образцову и великолепными сценическими данными: она красива, артистична; нельзя не обратить внимания на ее врожденную пластику, благородство манер, выразительность жестов, мимики и т. д. Она может быть величественной и трогательно нежной, страстной и поэтичной. Поэтому она равно убедительна в таких различных ролях, как Шарлотта в «Вертере» Массне и Амнерис в «Аиде» Верди, Графиня в «Пиковой даме» Чайковского и Кармен в опере Ж. Бизе, Сантуца в «Сельской чести» Масканы и Марина Мишик в «Борисе Годунове» Мусоргского.

И все же главное, пожалуй, не в том, что составляет внешнюю, «зримую» сторону искусства Образцовой. И даже не в ее голосе, не в вокале как таковом. Главное — в духовной одаренности артистки, в магнетизме ее личности. Порой словно бы ослепительная вольтова дуга вспыхивает между ней и аудиторией... Такое встречается в концертной и театральной практике крайне редко. И только у талантов самой высокой творческой пробы.

Беседу вел

Геннадий ЦЫПИН,
профессор.

Фото А. Награляна.

Елена Образцова, народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии:

«ОГЛЯНУТЬСЯ, ПЕРЕВЕСТИ ДЫХАНИЕ...»

«Эта русская женщина уникального таланта, сказочного, баснословного, из мифа. Это — естественность и интеллект. И все она выражает своим голосом...». Обычно к подобным высказываниям отношение не очень серьезное — на слишком уж высокой ноте они звучат. В данном случае иное. Во-первых, это сказано дирижером Гербертом Караяном, во-вторых, сказано о Елене Образцовой.

ски убедительным. Возникает чудесное состояние, когда уже не я через рассудок властвую над ролью, а роль надо мной. Только так, по моему, и достигается сценическая правда.

В то же время неправильным было бы думать, что рассудку отведена второстепенная роль в творчестве Образцовой. Тем более сегодня, когда за плечами у нее и богатый профессиональный опыт, и стаж, и всестороннее знание дела. Герберт Караян не случайно говорил о «естественности и интеллекте» артистки — действительно, и то, и другое органично сочетается в ее искусстве. Как и все подлинно крупное мастера, Образцова находится в непрестанном развитии. И развитие это, если приглядеться, идет в сторону все большей внутренней гармонии, все более точной сбалансированности чувства и мысли, эмоционального и рационального.

Все сильнее становится с годами и еще одно — ее артистическая воля. При всей своей женственности и обаянии, Образцова, в сущности, всегда была человеком твердой воли; профессия лишь еще больше закалила и заострила это свойство ее характера.

— Труд артиста — это сплошь и рядом преодоление себя. Это работа иной раз через «не хочу» и через «не могу»... Как и каждый человек, артист может внезапно заболеть, быть не в форме — физически либо психологически. Только в отличие от некоторых артист зачастую не может «не выйти на работу». (Беру те случаи, когда его нечем заменить на сцене). И тогда приходится выступать, несмотря на нездоровье,

ли сделать что-то подлинно хорошо в искусстве? Достигнуть таким путем высоких художественных достижений — «творческого максимума», о котором вы говорите?

— Смотря по тому, что за артист. Что он представляет собой. Если человек по-настоящему одарен, то, находясь на сцене, он просто не сможет делать свое дело кое-как. Конечно, исключения бывают, но мы же сейчас ведем разговор о правилах. Человеку талантливому требуется только самое лучшее в искусстве — всегда, при любых обстоятельствах, так как он раб своего таланта.

Образцова — певица с мировой славой. Была, столь широкая известность оказывается в чем-то и небезопасной. Деформируется внутренняя самооценка иного художника, затруднительнее становится быть самим собой... Мне захотелось коснуться этой темы в нашем разговоре.

Мне кажется, настоящий художник не станет особенно беспокоить себя размышлениями на эту тему. Ему, понимаете ли, обычно некогда... Есть, конечно, артисты, которые постоянно волнуются, пытаются угадать, что о них говорят, как их судят. Но когда по горло занят работой, в общем, не до этого, волнует другое.

— Что же?

— Смогу ли выразить средствами своего искусства то, что во мне живет и настоятельно просится наружу... Сумею ли передать все это людям? И беспоконт главным образом — хватит ли техники, умения, мастерства.

— Понимаю. И все же... Возможно ли, на